

2. Памяти самоубийц

Мы говорили о советских поэтах. Но ведь и у русской поэзии та же родословная. В середине лета 1841 года был убит опальный поручик. В метрической книге пятигорской церкви сохранилась запись: «Тенгизского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов, 27-и лет, убит на дуэли 15 июля, а 17-го погребен. Погребение пето не было».

Скорбная строка, почти стихотворная: Погребение пето не было... Рылеев повешен Николаем. Пушкин убит на дуэли. Грибоедов предательски убит в Тегеране. Веневитинов убит обществом, 22-х лет.

Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки. Бестужев погиб на Кавказе после сибирской каторги... Этот печальный реестр составлял Герцен: «Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель. Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв?» — задавался Герцен невольным вопросом и приходит к выводу: «Русскому народу нечего бояться, ибо ничем уже не ухудшить несчастной его судьбы».

Заметили, Герцен впереди мыслителей, впереди всех поставил поэтов. Как давно, из каких глубин танцует эта жестокая опала? Не меряно, может быть, с придворного пиита Василия Тредиаковского, которому не раз приходилось быть битым статс-секретарем своего хозяина.

Опальная разница между поэзией и прозой существовала всегда. В одном из рассказов Лесков вспоминает об инженерном корпусе, где довелось ему учиться и где еще чрезвычайно живо было предание о Рылеве. Посему в корпусе существовало правило: за всякое сочинение — порка, пятнадцать розог — будь сочинено в прозе, и двадцать пять — за стихи.

Кого еще позвать в свидетели? Вот — Гоголь: «Слышно страшное в судьбе русских поэтов!» А вот — Кюхельбекер, последнее стихотворение:

Такая судьба поэтов
Всех земель,
Но горше всех —
Певцов моей России...

Конечно, дантесы и мартыновы смущают всегда и везде, но не везде у них такое благодатное и обширное поле деятельности. Наступил наш XX век, и оказалось вдруг, что гибель на дуэли, когда-то всех поразившая, — не самая страшная. Лермонтов можно привести на могилу цветы. А сколько в нашем веке могила затерялась, как Цветаева, сколько брошены в землю без могил, как Мандельштам?

Погребение пето не было... После революции, спустя полтора десятилетия, поэт «серебряного века» Владислав Ходасевич составил новый скорбный список: «В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей... Только из числа моих знакомых, из тех, кого знал я лично, чьи руки жаль, — одиннадцать человек кончили самоубийством».

Одиннадцать! Есенин, Маяковский, Цветаева... Постоять, Цветаева еще была жива, строки по писаны в 1932-м, еще жива была и Оленька Ваксель — Лютик, покончившая с собой в том же 1932-м. Статья Ходасевича «Кровавая пища» закончена была 21 апреля, а Лютик застрелилась полгода спустя — 26 октября. Знал ли ее Ходасевич, жаль ли руку ей? Безусловно.

Тут не одиннадцать, куда больше. Именно после 1932-го началась волна репрессий и самоубийств.

На этом имени надо задержаться. Исследуя жизнь Мандельштама, мы все время оставляли его один на один со всеми бедствиями и несчастьями. Но ведь были у него привязанности, увлечения, влюбленности. Ольга Ваксель — самая сильная любовь в его жизни, настоящая «любовь-страсть», в чем он и признался Надежде много позже.

Впервые он встретил ее в 1916 году. Недолго погостив в Александрове у Цветаевой, к которой был сильно привязан, неожиданно, вдруг оказался в Коктебеле, где и встретил угловатую девочку-подростка тринадцатилетней. Увидел и забыл. Восемь лет спустя в Петрограде вновь увидел ее и был ослеплен, сражен красотой.

Ольга Ваксель — Лютик из дворянской семьи. Прадед Алексей Львов — скрипач и композитор, автор царского гимна. Сама Ольга играла на рояле и скрипке, занималась живописью, писала стихи, снималась в кино. Знала французский, немецкий, английский. Вот ее воспоминания о Мандельштаме:

«Для того, чтобы иногда виднелась со мной, Осип снял комнату в «Англетере», но ему не пришлось часто меня там видеть. Чтобы послушать его стихи и признания, достаточно было и проводов на Извозчике. Осип говорил, что извозчики — добрые гении человечества. Однажды он ждал меня в банальнейшем гостиничном номере, с горящим каминном и накрытым ужином. Я сказала о своем намерении больше у них (в доме — Авт.) не бывать, он пришел в такой ужас, плакал, становился на колени, уговаривал меня пожелать его, в сотый раз уверял, что он не может без меня жить».

т. д. Скоро я ушла и больше у них не бывала».

Жизнь упала как зарница. Как в стакан воды — ресница... Осип «мне не был нужен ни в какой степени. Я очень уважала его как поэта... Вернее, он был поэтом и в жизни, но большим неудачником».

Едва ли не единственный раз судьба «смиловилась к поэту: Лютик от него отвернулась».

Она была обречена. Сама себе назначила раннюю смерть, как извращение, определила срок. На Невском она случайно увидела близкую знакомую, та заметила, глянув на платые Лютика: «Такие воротнички выйдут из моды...»

А я только до тридцати лет доживу. Больше не буду.

Каждую осень она испытывала острые приступы одиночества.

Конечно, приложила руку молодая Советская власть. «Анкету» помещала получить образование, специальность, приличное место. В 1917-м переехала ее учеба в Институте благород-

ного русского поэта: дожив до семидесяти двух, он кончил все-таки тем, что схватил нож, что-бы зарезаться, и в эту минуту умер от разрыва сердца.

Самоубийство — не просто отказ от данной Богом земной жизни, но, по существу, — отвержение Креста и Воскресения Христова. Все самоубийцы лишаются отпущения и христианского погребения.

Но Мандельштам был бы прощен Богом: состояние безумия — не в счет.

ВЕРНЕМСЯ к читательским письмам.

«Если мне разрешено было бы немного проэкзотизировать Полюновского, то я задал бы ему несколько вопросов. Кто из наших очеркистов особенно отличился в боях на Халхин-Голе и среди немногих был награжден орденом Красного Знамени? А был ли у нас хоть один писатель — депутат Верховного Совета СССР, который был бы сражен вражеской пулей и погиб прямо на поле боя? Или отдать жизнь

Фадеев все же получил.

А ведь в отличие от Ставского он никогда не был инициатором гонений и уж тем более не участвовал в оперативных действиях органов НКВД.

Он мог быть похоронен, как никто из советских писателей. Многолетний руководитель такой огромной, рабски безропотной писательской организации, кандидат в члены ЦК КПСС, у него было все, не хватало лишь судьбы Фета. Если бы после так взволнованного его разговора накануне — с Маршаком, у него бы на другой день рокового 13-го числа около 15.00, когда он поднял пистолет, у него бы случился разрыв сердца... Он был бы похоронен у Кремлевской стены.

Ордер на последний, гибельный арест Мандельштама — подписан заместителем наркома Внутренних дел СССР М. Фриновским.

«По легенде (ее я слышал на Лубянке, а там, я убедился, дан-

был осужден, уже отбывал наказание... однажды в дом к нам постучались... Вошла женщина, как потом выяснилось, вольнонаемная из лагеря. Она вручила матери письмо от Шварова. На конверте было написано: «Второй переулочек налево, второй дом от угла, войти во двор, направо в углу подъезд, 6 этаж, налево в углу дверь». Здесь же, на конверте, нарисован план. Найти легко, если знать одно — речь об Арбате. Это, видимо, женщина должна была держать в уме.

Письмо Шварова сохранилось. Помните, о чем просил его бывший подследственный, несчастный, беспомощный Мандельштам в своей единственной восточке, которую удалось передать родным? «Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуй все-таки. Очень мерзну без вещей».

О тех же просит теперь Николай Христофорович?

«Купите для меня сотню хороших папирос, немного сладкого — ох, шоколада бы, а? — пару носков любого качества, любого же качества (но не любой расцветки, предпочтительно голубой или серой), сорочку № 42/43, два-три десятка лезвий (это в зону-то! — Авт.) для бритья, бритвы, мыльного порошка, 1-2 к., туалетного мыла и наконец — книги».

Да это же письмо аристократа из санатория. И денег у Шварова в лагере оказалось недостаточно, и связь с волей налажена отнюдь. Даже секреты от жены — санаторно-курортные.

«При этом спроси у Люси, нет ли у нее что-нибудь из этих вещей, заготовленных для меня, однако, во-первых, — не упоминай ничего о сорочке, шоколаде и папиросах, и, во-вторых, — предупреди ее, что посылку вообще не возмущай и ввиду ей, что почта не намерена возобновлять прием посылок в наши края. Мне же известно, что с 15.11 прием посылок должен быть возобновлен; тебе это сообщая, потому, что будешь предвзвешивать, откажется ли она, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Вторично напоминает о лямине, видимо, зло чрезвычайно мучает, душит его.

Далее, судя по всему, опытный Шваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Относи скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Далее, судя по всему, опытный Шваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Относи скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Вторично напоминает о лямине, видимо, зло чрезвычайно мучает, душит его.

Далее, судя по всему, опытный Шваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Относи скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

ку, должно быть, для покорики и надежды.

«Поздней ночью в июне 1940 года я услышала осторожный стук в застекленную дверь, выходящую в маленький садик за домом.

Неясная женская фигура маячит за стеклом.

— Не бойтесь, впустите меня...

— Я от Николая Христофоровича.

Изучившая, грязная пожилая женщина сидит передо мной.

— Кто вы? — спрашиваю я, со страхом глядя на нее.

— Мой сын заключен вместе с Николаем Христофоровичем. Я прямо с поезда, оттуда...

— Боже мой! Подождите, я чаю сейчас... Как он? Что?

Она делает усталый жест.

— Сядьте... Не надо ничего... Он умер. Убил себя. Я привезла вам письмо.

Маленький листочек, мелкий, изъятый почерк Николая:

«Мой последний день заiscoде. И я думаю о тех, кого помянул бы в своей последней молитве, если бы у меня был хоть какой-нибудь божишко.

Я думаю и о Вас — забывающей, почти забывшей меня.

И, как всегда, я обращаюсь к Вам с просьбой. И даже енесколыми.

Во-первых, приложенное письмо передать Люси.

Во-вторых, возможно, что через 3-4 недели Вам напишут, будут интересоваться моей судьбой. Расскажите или напишите, что, мол, известно очень немного; учинил кражу со взломом, достал яд, и только. Остального-то и я не знаю. Кражу со взломом пришлось учинить, чтоб не подводить врача, выпившую лямину.

Хотя бы мне гнусный, осенний какой-нибудь день, а то белая ночь. Из-за одной такой ночи стоило бы жить. Но не надо жалких слез и восклицаний, правда. Раз не дают жить, так не будем и существовать».

Если остался кто-либо помнящий меня добрым словом — прощальный привет.

Николай.

3.VI. 40. Вандыш».

— Когда, поэма, Николай Христофорович арестовали, нам сообщил об этом Павленко. И мать, и отец были просто поражены. А Фадеев сказал, что я очень хорошо помню: «Значит, за ним что-то было».

Как легко Александр Александрович отнесся от Николая Христофоровича, верного исполнителя черной работы.

Погребение пето не было.

Я УБЕЖДЕН, что чувствительный Фадеев искренне оплакивал жертву того режима, которому сам служил... Булгакова (которого навестил перед самой смертью). («Слезы залили ему лицо, он выскочил в коридор, и, забыв шапку, выбежал за дверь, загрохотал по ступеням...» Елена Сергеевна Булгакова), Мандельштам («...Фадеев пролил лютую слезу: какого мы уничтожили поэта!.. Надежда Мандельштам и т. д. и т. п. Однако мягкость и сентиментальность Фадеева вполне уживались с холодностью и даже жестокостью».

Генерал-писатель Костарев (а не Костарев, как называли его Надежда Яковлевна) под предлогом упущения и под поручительство Ставского был вселен в кооперативную писательскую квартиру к Мандельштамам (за которую они уже внесли крупные деньги). Пока Мандельштамы находились в Воронежке, Костарев сумел досрочно сменить временную московскую прописку на постоянную («Для Костарева, — объяснил управдом, — нам велели сделать исключение»). А перед возвращением Мандельштамов он сумел вообще выписать Надежду Яковлевну. Занял квартиру, выбросил хозяев на улицу.

При чем тут Фадеев?

Писатель, литературный исследователь Игорь Волгин извлек на свет любопытное письмо Фадеева школьному другу: «Здесь в Москве кое-что из дальневосточников прибавилось. Например, появился поэт Никола с супругой...»

«Поэт Николай» — Николай Константинович Костарев, друг Фадеева еще по незапамятным партизанским походам.

Посмотрите, травили, гнали и добивали поэта не просто соратники Фадеева, но его ближайшие друзья: Павленко — доносчик, Шваров — инквизитор, Костарев — писатель и генерал одновременно, тесно сотрудничавший с органами ОГПУ — НКВД...

Они с его, Фадеева, ведома травили и убивали, а он, ангел смерти, — оплакивал.

Помните, как они презирали поэта, помните Шварова? «Крупный человек с почти актерским — по Малому театру — назойливими и резкими интонациями он не говорил, а подчеркивал мрачно и угрожающе. Всем своим видом, взглядом, интонациями он показывал, что его подследственный — ничтожество, презренная тварь, отребье рода человеческого. Держался он как человек высшей расы, презирающий физическую слабость и жалкие интеллигентские предрассудки».

Страшная погоня. Жертву преследовали жертвы.

Насколько же чахлый поэт — кожа да кости, да еще душа — в конце погони оказался сильнее их — сытых, сильных, самоуверенных, — тех, кто по пятам гнался за ним.

(Окончание следует).

ПОЭТЫ И ПАЛАЧЫ

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ, «Известия»

Известия - 1993 - 21 сеп. - с. 5

ных девиц. Лютик попыталась поступить в строительный техникум — не приняла. Пошла работать табельщицей на стройку.

В нее влюблялся вице-консул Норвегии в Ленинграде Христиан Вистендаль — красавец, имоложе ее, на взлете карьеры. Он ухаживал за ней почти два года и, наконец, 28 сентября 1932 года увозит в Осло.

Вольная воля, свобода. Везение: в эту пору беспрерывный выезд интеллигенции на Запад практически прекратился. Она снова вернулась к стихам, к живописи, начала изучать норвежский. Это дало меньше мес-са...

В таких случаях всегда вспоминают, что и когда было по-правильно: «если бы». Мать Лютика, Юлия Федоровна, в день отъезда хотела предупредить Христиана по поводу осенних приступов. Но ей не удалось остаться с ним наедине.

Все это пустое. Она ехала умирать. Вел российский интеллигенция искала пути на Запад, чтобы уцелеть, выжить, Лютик — единственная — ехала умирать.

В ночном столбике мужа она обнаруживала пистолет. Он узнал об этом, но не придавал значения. С Агатовой, сестрой мужа, она оспаривала городское кладбище, да крематория, один из них, родственный расписанный, ей понравился: «Вот этот я себе выбираю».

26 октября, ровно в полдень, Лютик выстрелила себе в рот. Шло с правой стороны разное, а красивое лицо осталось нетронутым и сохранило полу-улыбку.

...Осип даже не знал, что Лютик тоже пишет стихи.

Он помнил ее всегда, признает Надежда.

И ВЛЮБЛЕННОСТЬ, как жилось, прошла по краю пропасти.

У нее — страх перед жизнью и жажда смерти. У него — страх перед смертью и жажда жизни («Не разнять меня с тобой...»). Оказались они вместе, она, влюбая, сломала бы его. В отношении двоих всегда независимые и сильные тот, кто меньше любит или не любит вовсе, но позволяет себя любить.

Лютик осиротела оба дома — и в Ленинграде, и в Осло. Сразу после смерти жены Христиан написал Юлии Федоровне: «Я надеюсь вскоре последовать за Ольгой». И правда, умер через полтора года от сердечного приступа. Преуспевающему дипломату было 30 лет. Умерли его родители. Дом был продан.

Примерил ли Осип Эмилевич на себя посмертную маску Лютика? Все же был он на двенадцать с половиной лет старше своего разнучинка-победителя, счастливого нещастливца, а главное, сердце его было куда слабее.

...Лютик, Марина. Две женщины-самоубийцы в короткой и хрупкой жизни неуравновешенного поэта — не много ли?

Странные, словно из нереальности судьбы, тесно переплетенные... Лютик и Осип, Осип и Надежда. Осип и Марина. Марина и Сергей Эфрон. Мысль о самоубийстве преследовала каждого из них. Мандельштам дважды пытался покончить с собой — в тюрьме. Эфрон после допросов и пыток попадает в психиатрическое отделение Бутырской больницы «по поводу острого реактивного галлюциноза и попытки самоубийства». Это еще не все окружение. Близкий друг Мандельштама знаменитый актер-чтец Владимир Яхонтов в припадке страха, что его идт арестовывать, выбросился из окна.

Не много ли, снова спрашиваю я, не много ли самоубийц, состоявшихся и вероятных, на таком маленьком жизненном пятнышке? Нет, для нашего многострадального Отечества, что и сколько бы ни творилось, все как раз, все покрывается временем и безотчетливо.

Я сказал — «вероятных». Неудавшиеся покушения на собственную жизнь очень подкрепляют унылую действительность. Фет остался образцом счастли-

ро для Родины, по нашим теперешним меркам, ничего не значил? А по-ти этот писатель 14 ноября 1943 г. в районе деревни Турки-Перевоз. Л. Волыне, Москва».

Экзавен пустяков. Речь о Владимире Ставском. О том самом Ставском-Кирпичникове, Генеральном секретаре Союза писателей СССР, который вместе с известнейшим автором революционных песен Всеволодом Вишневским возглавил в Москве разоблачительные, антигосударственные кампании. Который написал гибельный донос на Мандельштама самому Ежову. Который участвовал в оперативных действиях органов НКВД, помог им загнать поэта в западню: вручил счастливым Мандельштамам две путевки в дом отдыха, чтобы бы не утруждать агентов лишней работой по розыску кочевоего безножечного поэта.

Боевал? Да. Он выполнял свой долг. И тогда, когда уничтожал братьев по перу, тоже выполнял долг, как он его понимал. В обоих случаях он был строевым и подчинялся дисциплине. Для многих подобных людей война, как это ни ужасно, стала как бы невольным избавлением от прежних грехов: тут стало строевое подчинение вла-сти и нравственности.

Погнубить мог и следователь ОГПУ Шваров, пытавший и загнубивший столько писательских душ. Мог, если б дожил до войны. Что это меняет по сути? И еще вопросы: если гибнет просто хороший писатель, не депутат Верховного Совета СССР, — что же, меньше жалеть? Или есть ли разница: погнубить за Родину от пули врага или от пули в затылок собрата по перу?

Погиб. Да, прискорбно. Остался бы жив — продолжал бы доносить на своих. Чем бы кончил — сказать трудно.

«Смерть Осипа Мандельштама» чуть было не стала и моей собственной. С братом, инвалидом войны (и я — инвалид) мы остались вдовья из большой семьи и еще большей родни. Отец, мать, брат, сестра, бабушка были уничтожены летом 41-го, а в целом 70 человек нашей большой родни погибли от рук немецких и украинских варваров.

Брат мой — Гедали, 15 лет от роду, удрал ночью с места казни, спрятался на чердаке у наших хороших знакомых — друзей моего отца, и мальчик Коля — сверстник Гедали привел во двор полиция и указал на моего братишку. Тут же по-лиция его и порешил.

Узнал я об этом, когда вернулся с войны, и дал клятву собственными руками задушить Колю Остапову. В 1950 году по-ехал на родину, пошел к дому Осташовых и... узнал, что Коля пошел в 44-м в армию и на фронте погиб... А. Литвак, Барнаул».

Не знаю, что стало бы со Ставским в середине пятидеся-тих...

В предсмертном письме Фадеев написал: «Не вижу возможности жить так как искусство, ко-торому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежес-твенным руководством партии... Литература — это святая свя-тых — отдала на растерзание... Литература — этот вышний плод нового строя — унижена, за-травлена, загублена». Неужели Фадеев понял это только к се-редине мая 1956 года? В действи-тельно страшные времена он, ру-ководитель писательской орга-низации страны, давал «добро» на все аресты коллег, без его согласия не могли арестовать ни-кого. Теперь он заговорил о ра-стерзании литературы, о ее за-вращенности, в тот самый мо-мент, когда огромная волна ре-прессированных писателей на-чала, наконец, возвращаться домой.

Он не выдержал первой отте-пели, о которой Анна Андреевна Ахматова сказала: «Теперь ар-естанты вернутся, и две России глотнут друг друга в глаза: та, что сажала, и та, которую по-садили». Возвращались — из тюрем, лагерей, пересылок. Дол-го жила легенда, очень похожая на правду: свою пощечину от ко-го-то из вернувшихся Александр

Фадеев все же получил.

А ведь в отличие от Ставского он никогда не был инициатором гонений и уж тем более не участвовал в оперативных действиях органов НКВД.

Он мог быть похоронен, как никто из советских писателей. Многолетний руководитель такой огромной, рабски безропотной писательской организации, кандидат в члены ЦК КПСС, у него было все, не хватало лишь судьбы Фета. Если бы после так взволнованного его разговора накануне — с Маршаком, у него бы на другой день рокового 13-го числа около 15.00, когда он поднял пистолет, у него бы случился разрыв сердца... Он был бы похоронен у Кремлевской стены.

Ордер на последний, гибельный арест Мандельштама — подписан заместителем наркома Внутренних дел СССР М. Фриновским.

«По легенде (ее я слышал на Лубянке, а там, я убедился, дан-

был осужден, уже отбывал наказание... однажды в дом к нам постучались... Вошла женщина, как потом выяснилось, вольнонаемная из лагеря. Она вручила матери письмо от Шварова. На конверте было написано: «Второй переулочек налево, второй дом от угла, войти во двор, направо в углу подъезд, 6 этаж, налево в углу дверь». Здесь же, на конверте, нарисован план. Найти легко, если знать одно — речь об Арбате. Это, видимо, женщина должна была держать в уме.

Письмо Шварова сохранилось. Помните, о чем просил его бывший подследственный, несчастный, беспомощный Мандельштам в своей единственной восточке, которую удалось передать родным? «Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуй все-таки. Очень мерзну без вещей».

О тех же просит теперь Николай Христофорович?

«Купите для меня сотню хороших папирос, немного сладкого — ох, шоколада бы, а? — пару носков любого качества, любого же качества (но не любой расцветки, предпочтительно голубой или серой), сорочку № 42/43, два-три десятка лезвий (это в зону-то! — Авт.) для бритья, бритвы, мыльного порошка, 1-2 к., туалетного мыла и наконец — книги».

Да это же письмо аристократа из санатория. И денег у Шварова в лагере оказалось недостаточно, и связь с волей налажена отнюдь. Даже секреты от жены — санаторно-курортные.

«При этом спроси у Люси, нет ли у нее что-нибудь из этих вещей, заготовленных для меня, однако, во-первых, — не упоминай ничего о сорочке, шоколаде и папиросах, и, во-вторых, — предупреди ее, что посылку вообще не возмущай и ввиду ей, что почта не намерена возобновлять прием посылок в наши края. Мне же известно, что с 15.11 прием посылок должен быть возобновлен; тебе это сообщая, потому, что будешь предвзвешивать, откажется ли она, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Вторично напоминает о лямине, видимо, зло чрезвычайно мучает, душит его.

Далее, судя по всему, опытный Шваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Относи скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

Вторично напоминает о лямине, видимо, зло чрезвычайно мучает, душит его.

Далее, судя по всему, опытный Шваров вынашивает какие-то замыслы относительно следственных органов, дает жене инструкции: «Относи скажи, что она должна ответить на все мои вопросы и так, как я просил ее, и если она не доверит, пусть попросит или тщательно заклеймит письмо. Но пусть при этом не забудет о лямине, я очень часто зло, подолгу мучаюсь».

ку, должно быть, для покорики и надежды.

«Поздней ночью в июне 1940 года я услышала осторожный стук в застекленную дверь, выходящую в маленький садик за домом.

Неясная женская фигура маячит за стеклом.

— Не бойтесь, впустите меня...

— Я от Николая Христофоровича.

Изучившая, грязная пожилая женщина сидит передо мной.

— Кто вы? — спрашиваю я, со страхом глядя на нее.

— Мой сын заключен вместе с Николаем Христофоровичем. Я прямо с поезда, оттуда...

— Боже мой! Подождите, я чаю сейчас... Как он? Что?

Она делает усталый жест.

— Сядьте... Не надо ничего... Он умер. Убил себя. Я привезла вам письмо.

Маленький листочек, мелкий, изъятый почерк Николая:

«Мой последний день заiscoде. И я думаю о тех, кого помянул бы в своей последней молитве, если бы у меня был хоть какой-нибудь божишко.

Я думаю и о Вас — забывающей, почти забывшей меня.

И, как всегда, я обращаюсь к Вам с просьбой. И даже енесколыми.

Во-первых, приложенное письмо передать Люси.

Во-вторых, возможно, что через 3-4 недели Вам напишут, будут интересоваться моей судьбой. Расскажите или напишите, что, мол, известно очень немного; учинил кражу со взломом, достал яд, и только. Остального-то и я не знаю. Кражу со взломом пришлось учинить, чтоб не подводить врача, выпившую лямину.

Хотя бы мне гнусный, осенний какой-нибудь день, а то белая ночь. Из-за одной такой ночи стоило бы жить. Но не надо жалких слез и восклицаний, правда. Раз не дают жить, так не будем и существовать».

Если остался кто-либо помнящий меня добрым словом — прощальный привет.

Николай.

3.VI. 40. Вандыш».

— Когда, поэма, Николай Христофорович арестовали, нам сообщил об этом Павленко. И мать, и отец были просто поражены. А Фадеев сказал, что я очень хорошо помню: «Значит, за ним что-то было».

Как легко Александр Александрович отнесся от Николая Христофоровича, верного исполнителя черной работы.

Погребение пето не было.

Я УБЕЖДЕН, что чувствительный Фадеев искренне оплакивал жертву того режима, которому сам служил... Булгакова (которого навестил перед самой смертью). («Слезы залили ему лицо, он выскочил в коридор, и, забыв шапку, выбежал за дверь, загрохотал по ступеням...» Елена Сергеевна Булгакова), Мандельштам («...Фадеев пролил лютую слезу: какого мы уничтожили поэта!.. Надежда Мандельштам и т. д. и т. п. Однако мягкость и сентиментальность Фадеева вполне уживались с холодностью и даже жестокостью».

Генерал-писатель Костарев (а не Костарев, как называли его Надежда Яковлевна) под предлогом упущения и под поручительство Ставского был вселен в кооперативную писательскую квартиру к Мандельштамам (за которую они уже внесли крупные деньги). Пока Мандельштамы находились в Воронежке, Костарев сумел досрочно сменить временную московскую прописку на постоянную («Для Костарева, — объяснил управдом, — нам велели сделать исключение»). А перед возвращением Мандельштамов он сумел вообще выписать Надежду Яковлевну. Занял квартиру, выбросил хозяев на улицу.

При чем тут Фадеев?

Писатель, литературный исследователь Игорь Волгин извлек на свет любопытное письмо Фадеева школьному другу: «Здесь в Москве кое-что из дальневосточников прибавилось. Например, появился поэт Никола с супругой...»

«Поэт Николай» — Николай Константинович Костарев, друг Фадеева еще по незапамятным партизанским походам.

Посмотрите, травили, гнали и добивали поэта не просто соратники Фадеева, но его ближайшие друзья: Павленко — доносчик, Шваров — инквизитор, Костарев — писатель и генерал одновременно, тесно сотрудничавший с органами ОГПУ — НКВД...

Они с его, Фадеева, ведома травили и убивали, а он, ангел смерти, — оплакивал.

Помните, как они презирали поэта, помните Шварова? «Крупный человек с почти актерским — по Малому театру — назойливими и резкими интонациями он не говорил, а подчеркивал мрачно и угрожающе. Всем своим видом, взглядом, интонациями он показывал, что его подследственный — ничтожество, презренная тварь, отребье рода человеческого. Держался он как человек высшей расы, презирающий физическую слабость и жалкие интеллигентские предрассудки».

Страшная погоня. Жертву преследовали жертвы.

Насколько же чахлый поэт — кожа да кости, да еще душа — в конце погони оказался сильнее их — сытых, сильных, самоуверенных, — тех, кто по пятам гнался за ним.

(Окончание следует).

АБСОЛЮ

ПОЛНЫЙ ПЕРЕПРОДУКЦИИ
CITIZEN ПОКАТАЛОГУ

Самые низкие ценовые модальности:
SDC-836 - 10.3 \$
IC-5001 - 2.8 \$
SDC-888 - 17.4 \$

Электронные часы
ED-6200SP - 13 \$

часов офисных
2921 D, 2922 D - 1 \$

Со склада в М...

Оплата в рублях по биржевому курсу.

Маленький листочек, мелкий, изъятый почерк Николая:

«Мой последний день заiscoде. И я думаю о тех, кого помянул бы в своей последней молитве, если бы у меня был хоть какой-нибудь божишко.

Я думаю и о Вас — забывающей, почти забывшей меня.

И, как всегда, я обращаюсь к Вам с просьбой. И даже енесколыми.

Во-первых, приложенное письмо передать Люси.

Во-вторых, возможно, что через 3-4 недели Вам напишут, будут интересоваться моей судьбой. Расскажите или напишите, что, мол, известно очень немного; учинил кражу со взломом, достал яд, и только. Остального-то и я не знаю. Кражу со взломом пришлось учинить, чтоб не подводить врача, выпившую лямину.

Хотя бы мне гнусный, осенний какой-нибудь день, а то белая ночь. Из-за одной такой ночи стоило бы жить. Но не надо жалких слез и восклицаний, правда. Раз не дают жить, так не будем и существовать».

Если остался кто-либо помнящий меня добрым словом — прощальный привет.

Николай.

3.VI. 40. Вандыш».

— Когда, поэма, Николай Христофорович арестовали, нам сообщил об этом Павленко. И мать, и отец были просто поражены. А Фадеев сказал, что я очень хорошо помню: «Значит, за ним что-то было».

Как легко Александр Александрович отнесся от Николая Христофоровича, верного исполнителя черной работы.

Погребение пето не было.

Я УБЕЖДЕН, что чувствительный Фадеев искренне оплакивал жертву того режима, которому сам служил... Булгакова (которого навестил перед самой смертью). («Слезы залили ему лицо, он выскочил в коридор, и, забыв шапку, выбежал за дверь, загрохотал по ступеням...» Елена Сергеевна Булгакова), Мандельштам («...Фадеев пролил лютую слезу: какого мы уничтожили поэта!.. Надежда Мандельштам и т. д. и т. п. Однако мягкость и сентиментальность Фадеева вполне уживались с холодностью и даже жестокостью».

Генерал-писатель Костарев (а не Костарев, как называли его Надежда Яковлевна) под предлогом упущения и под поручительство Ставского был вселен в кооперативную писательскую квартиру к Мандельштамам (за которую они уже внесли крупные деньги). Пока Мандельштамы находились в Воронежке, Костарев сумел досрочно сменить временную московскую прописку на постоянную («Для Костарева, — объяснил управдом, — нам велели сделать исключение»). А перед возвращением Мандельштамов он сумел вообще выписать Надежду Яковлевну. Занял квартиру, выбросил хозяев на улицу.

При чем тут Фадеев?

Писатель, литературный исследователь Игорь Волгин извлек на свет любопытное письмо Фадеева школьному другу: «Здесь в Москве кое-что из дальневосточников прибавилось. Например, появился поэт Никола с супругой...»

«Поэт Николай» — Николай Константинович Костарев, друг Фадеева еще по незапамятным партизанским походам.

Посмотрите, травили, гнали и добивали поэта не просто соратники Фадеева, но его ближайшие друзья: Павленко — доносчик, Шваров — инквизитор, Костарев — писатель и генерал одновременно, тесно сотрудничавший с органами ОГПУ — НКВД...

Они с его, Фадеева, ведома травили и убивали, а он, ангел смерти, — оплакивал.

Помните, как они презирали поэта, помните Шварова? «Крупный человек с почти актерским — по Малому театру — назойливими и резкими интонациями он не говорил, а подчеркивал мрачно и угрожающе. Всем своим видом, взглядом, интонациями он показывал, что его подследственный — ничтожество, презренная тварь, отребье рода человеческого. Держался он как человек высшей расы, презирающий физическую слабость и жалкие интеллигентские предрассудки».

Страшная погоня. Жертву преследовали жертвы.

Насколько же чахлый поэт — кожа да кости, да еще душа — в конце погони оказался сильнее их — сытых, сильных, самоуверенных, — тех, кто по пятам гнался за ним.

(Окончание следует).

ТОРГОВ

"АРМ

От зимних сапог

ОБ

со склада

Тел/факс

Vitex пр

импортны

со складов в Москве

- сезонную женскую, мужскую
- шубы из натурального меха
- плащи на синтепоне
- нижнее белье
- пухлые пальто, куртки
- спортивную одежду
- одежду из кожи
- свитеры, пуловеры из шерсти
- шарфы из мохера
- пледы из мохера (Индия)
- видео и аудиотехнику
- парфюмерию и косметику
- кухонную и столовую посуду
- продукты питания, специи
- сигареты
- искусственные цветы.

Транспортный отдел Vitex доставляет железнодорожными контейнерами

Офис и демонстрационный торговый:

103009 Москва, ул. Пушкинская, стр. 3, 2-й этаж, налево, вход с Камергерского переулка (был пр. Х